

ПУШКИН – НА ПРИЦЕЛЕ

Один из самых, быть может, страшных артефактов Великой Отечественной – пробитый фашистскими пулями знаменитый пушкинский портрет, что встречает гостей Минского музея войны.

В каком страшном сне могло привидеться Пушкину, что в него будут метить немецкие солдаты? Он, как и легендарная Брестская крепость, первым принял на себя гитлеровский удар. Расстрелянный Пушкин...

Легко представить, как хохоча, бравые Ганс и Курт вбивали пули, одна за другой, соревнуясь в меткости, в пушкинские голубые глаза...

Одной пули Дантеса оказалось мало, чтобы убить Пушкина. Явились новые «дантесы». Фашисты. И как без жалости метили в представителей иной расы, – но по их воззрениям, внушенным фюрером, – всего лишь «унтерменшен», «человекообразных», – точно также метили и в славянскую культуру.

Вот уж, поистине горькой иронией обратилось шутовское предсказание поэта:

Укажет будущий невежда

На мой прославленный портрет...

Знать бы Александру Сергеевичу, что те весёлые строчки через столетие обратятся грозным пророчеством!

Исторические параллели: пистолет, что разрядил в поэта морозным январским днем 1837-го в Петербурге, у Чёрной речки, полуфранцуз и полунемец Жорж Дантес, был немецким, сработанным оружейником из Дрездена.

Где, в какой белорусской школе, со стены какого класса взирал на притихших за партами учеников поэт с портрета Кипренского?! Этому славному портрету выпала редкостная судьба – быть воспетым самим Пушкиным.

Портрет, обретший славу тотчас же, как только вышел из мастерской живописца. Его появление первого сентября 1827 года на выставке в Императорской Академии художеств тотчас стало событием. Онём говорили в светских салонах и на петербургских улицах, обсуждали достоинства живописи, поражались живому взгляду поэта, верно схваченному выражению, восторгались.

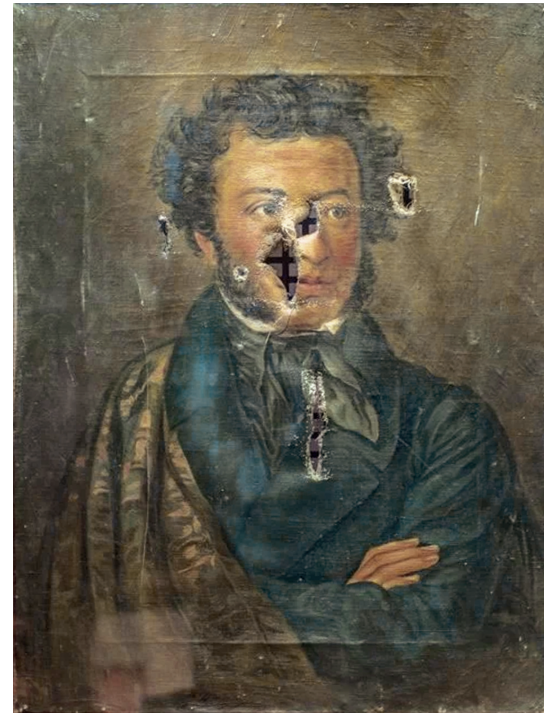
Шотландский плед, небрежно переброшенный через плечо Александра Сергеевича, незримым образом трансформируется в его поэтическое кредо. Клетчатый плед на портрете Пушкина не просто деталь одеяния, некий романтический штрих, прихоть поэта, нет – это и символ свободы, и ответ, вызов его гонителям.

Живописец свершил чудо: в век, далёкий от фотографии и кино, оставил потомкам живого Пушкина со светло-задумчивым взглядом, устремлённым в вечность, и с небрежно перекинутым через плечо шотландским пледом...

Расстрелянному портрету (по счастью, лишь копии прославленного творения!) суждено было стать одним из самых значимых и горестных экспонатов музея Великой Отечественной войны в столице Беларуси. Пушкинский портрет как символ минувшей войны. И символ победы света над мраком!

Есть в том некая символика: во временную рамку из двух пушкинских юбилеев вместились годы Великой Отечественной! Временной отрезок в двенадцать лет. Сакральное для христиан число. Да и двенадцать потомков поэта, фронтовиков, равно как двенадцать апостолов Христа, готовы были положить свои молодые жизни на алтарь Победы.

Время всё верно расставило по местам: предвоенный грустный юбилей 1937-го, столетие со дня гибели поэта – и послевоенный 1949-й, – полтора столетия со дня рождения, праздничный юбилей. В том мирном году день рождения российского

Пробитый пулями и исколотый итыками портрет А.С. Пушкина в Белорусском государственном музее истории Великой Отечественной войны

гения словно слился с радостью великой Победы! Его отмечали столь же радостно и бурно, с поистине всенародным размахом.

И вновь задумчиво взирал Пушкин со своего прославленного портрета (не расстрелянного, нет!) на своих неведомых героических потомков.

Восстал и стар, и млад; летят на дерзновенных.

Сердца их мщеньем зажжены.

Доброволец Пушкин... Звучит необычно для века девятнадцатого, тогда в ходу было иное название, полное божественного смысла, – жертвенник! Но в грядущем столетии, двадцатом, добровольцами будут именовать потомков поэта – тех, что первыми в 1941-м, ещё до военного призыва, поспешили в военкоматы и на сборные пункты.

ФРОНТОВИКИ ИЗ ПУШКИНСКОГО РОДА

И вы их видели, врагов моей отчизны!

Александр Пушкин

*Потомки А.С. Пушкина – участники Великой Отечественной войны. Худ. В. Переяславец, 1957 г.
Слева направо: О.В. Кологривов, Г.Г. Пушкин, С.Е. Клименко, С.Б. Пушкин, Б.Б. Пушкин, А.В. Кологривов*

Григорий Григорьевич Пушкин. Он был единственным в мире правнуком поэта, дожившим до конца двадцатого столетия. И, смею утверждать, – любимейшим. Во-первых, родной дед Григория Григорьевича, храбрый генерал Александр Пушкин, был любимым сыном поэта. А во-вторых (или тоже, во-первых?), свою жизнь Григорий Пушкин прожил честно и достойно, не запятнав имени великого прадеда.

Удивительный был человек. Мудрец и великий насмешник. Прямой и бескомпромиссный, он не любил менять ни убеждений, ни привычек, ни друзей. Всех почитателей своего великого прадеда строго делил на две категории: пушкиноведов и «пушкиноедов». Наверное, так оно в жизни и есть.

Григорий Пушкин не нарушил ратных семейных традиций, продолжив воинскую эстафету рода Пушкиных: воевал на фронтах Финской и Великой Отечественной.

Григорий Григорьевич Пушкин. Возможно, единственный из нас, кто мог назвать своих предков в двадцатом или даже в тридцать первом коленах. Но это и великая ответственность «принадлежать именем к длинному ряду предков...»

По родству Григорий Григорьевич – самый близкий к Пушкину человек. Никто не знает, каким был бы Александр Сергеевич в старости. Правда, однажды поэт изобразил себя в преклонных летах. И теперь, когда я вижу этот пушкинский автопортрет, кажется, что поэт нарисовал не себя, а своего будущего правнука...

Всего немного не дожид Григорий Григорьевич до двухсотлетия великого прадеда, о коем так мечтал. Ранее в 1957-м, ровно за сорок лет до кончины правнука поэта, народному художнику России (и подполковнику в отставке!) Владимиру Переяславцу пришла счастливая мысль: написать картину «Потомки Пушкина – участники Великой Отечественной войны».

Страшись, о рать иноплеменных!

России двинулись сыны...

На фронтах Второй мировой сражались и зарубежные потомки русского гения. В рядах армий Великобритании и Франции воевали праправнуки поэта: капитан Джордж Майкл Александр Уэрнер – он погиб в декабре 1942-го в Северной Африке, в Тунисе, и Георгий Михайлович Воронцов-Вельяминов – был тяжело ранен под французским Дюнкерком.

ПОТОМКИ ПУШКИНА – ГЕРОИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙН

**Кологривов
Александр
Всеволодович**

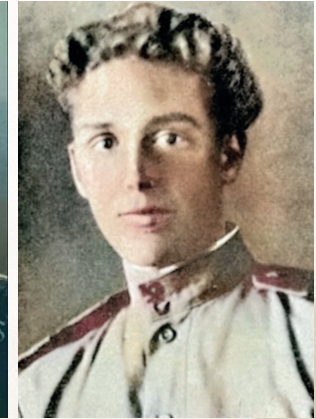
**Кологривов
Олег
Всеволодович**

**Пушкин
Григорий
Григорьевич**

**Пушкин
Борис
Борисович**

**Пушкин
Сергей
Борисович**

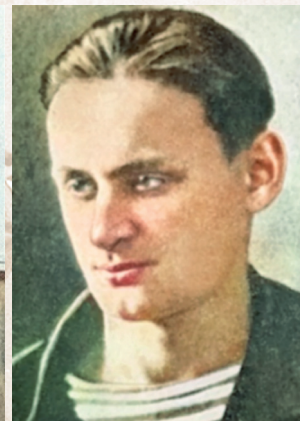
**Данилевская
(Чалик)
Марина
Сергеевна**

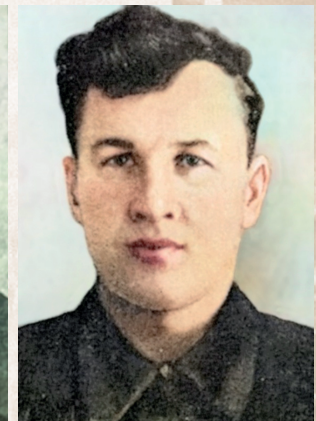
**Данилевский
Александр
Сергеевич**

**Клименко
Сергей
Евгеньевич**

**Писнячевский
Александр
Иванович**

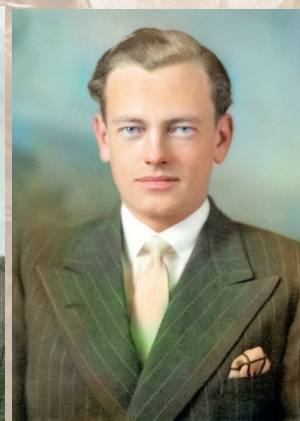
**Воронцов-
Вельяминов
Георгий
Владимирович**

**Воронцов-
Вельяминов
Георгий
Михайлович**

**Джордж Майкл
Александр
Уэрнер**

**Дэвид Майкл
Маунтбеттен,
3-й маркиз
Милфорд-Хейвен**

Не всех фронтовиков удалось собрать тогда художнику, и причины на то были весомые. Всего же на историческом полотне – шестеро героев. Мне довелось знать четверых, запечатлённых кистью портретиста: Григория Григорьевича Пушкина, Сергея Евгеньевича Клименко, братьев Сергея Борисовича и Бориса Борисовича Пушкиных.

Вот вкратце о боевом пути каждого из них.

ГРИГОРИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ ПУШКИН (1913 – 1997), ПРАВНУК ПОЭТА.

Призван в армию в 1934 году и направлен рядовым в стрелковый полк, находившийся в подчинении печально известного Генриха Ягоды. Служба началась в Виннице, затем в Славутиче.

В 1937 году старшина Григорий Пушкин получил увольнение. Случай был особенный: в Большом театре шёл торжественный вечер, посвящённый столетию со дня гибели великого поэта. В президиуме, устроенном на сцене, Григорий Пушкин оказался рядом с Климентом Ефремовичем Ворошиловым, легендарным героем Гражданской, а в то время – наркомом обороны СССР. Разговорились. Ворошилов живо интересовался службой правнука поэта. Дал указание командиру полка, где служил Григорий Пушкин, предоставить старшине краткосрочный отпуск, чтобы тот смог поклониться праху поэта. Так, волею наркома, впервые довелось Григорию Пушкину побывать в Михайловском, в Святых горах, – возложить цветы на могилу великого прадеда.

Участвовал правнук поэта и в освобождении Западной Белоруссии в 1939-м. Довелось Григорию Пушкину повоевать и с финнами. Служил в прожекторном полку, недалеко от советско-финской границы. Особое беспокойство тогда у советского командования вызывала концентрация финской авиации в районе линии Маннергейма. Нужно было срочно усилить противовоздушную оборону, для этого, помимо зенитных расчётов, действовал и прожекторный полк.

Затем для Григория Пушкина началась служба особого рода – в Московском уголовном розыске. В должностной характеристике лейтенанта милиции Пушкина скупно сообщалось: «Проявляет большое желание глубоко познать обязанности оперативного уполномоченного».

В самом начале войны Григорий Пушкин, оперативник знаменитого МУРа, ушел добровольцем в партизанский отряд особого назначения, действовавший под Москвой, в районах Наро-Фоминска и Волоколамска. Участвовал в рейдах по тылам немецких войск в Подмосковье, на самом опасном тогда направлении.

Отряду ставились задачи: разведка в тылу врага и нарушение неприятельских коммуникаций. Не один вражеский состав с боевой техникой и горючим был пущен тогда под откос партизанами. Потерь отряд почти не нёс, и всё же партизан и разведчик Григорий Пушкин не уберёгся от немецкой пули: был ранен под Волоколамском, лежал в госпитале.

Сохранилась его коротенькая записка матери Юлии Николаевне, отправленная в первый месяц Великой Отечественной: «Дорогая мама! Родина в опасности, и я буду защищать её, как мой отец (Григорий Александрович Пушкин, полковник царской армии. – Л.Ч.), не жалея жизни».

Среди документов минувшей войны, ныне рассекреченных, уцелел и этот наградной лист: «В боях с немецкими захватчиками на Западном фронте под Наро-Фоминском гвардии старшина Пушкин получил задание разведать огневые точки и силы противника на станции Дорохово, уничтожить два населённых пункта с гарнизонами противника и доставить «языка». Задание было выполнено в указанный срок. Захвачены два «языка» и уничтожена боевая техника в этом районе...»

Одним из захваченных немецких солдат и оказался тот самый Карл Миллер, беспечно везший в подмосковном лесу на бричке галеты и шнапс. Судьба взятого правнуком поэта пленника сложилась удачно: отбыв в советском плену, он счастливо вернулся в родную, уже не фашистскую Германию... Что ж, ему невероятно повезло.

Григорий Пушкин – боец Красной Армии.
Фотография. 1937 г

Г.Г. Пушкин (слева) с однополчанами. 1937г.

После ранения под Волоколамском Григорий Пушкин воевал на Северо-Западном фронте. Те бои особо врезались в память. В военных сводках о них сообщалось скупо: «В районе Старой Руссы противник активности не проявлял, шли бои местного значения».

Но местные бои, не менее чем большие сражения, таили тяжелейшие испытания для солдат: приходилось вести артобстрел, чуть ли не по

пояс зарывшись в болото. Распутица, что особо разбушевалась в марте 1943-го, сделала непроходимыми дороги для наших танков и артиллерии.

Но и здесь Григорий Пушкин смог отличиться.

– Презирая смерть, во главе группы бойцов-разведчиков ночью пробрался в тыл к врагу и с боем захватил «языка», – так говорилось о нём в донесении командования.

В рядах Первой гвардейской десантной дивизии освобождал Старую Руссу. Та боевая операция являлась частью другой, более крупной операции с романтическим, точнее, кодовым, названием «Полярная звезда»; их общая цель – разгром немецкой группы армий «Север» под командованием генерал-фельдмаршала Георга фон Кюхлера. Первый этап предполагал: войска Северо-Западного фронта должны окружить и смять немецкую 16-ю армию, коей командовал генерал-фельдмаршал Эрнст Буш. Следующим этапом должен был стать глубокий удар в направлении на Старую Руссу и на Псков, прорыв вражеской обороны и выход в тыл немецких войск под Новгородом и Ленинградом.

Но с первых дней наступление наших войск было словно обречено на неудачу: войска продвигались крайне медленно, удалось прорвать лишь первую полосу немецкой обороны по реке Ловать и отбить у врага несколько сёл. Да и повторные атаки (без средств усиления!) стали провальными, к тому же немецкие войска сумели укрепить свои рубежи под Старой Руссой.

Главная задача – окружение и уничтожение фашистских войск (немцы сумели-таки не попасться в «котёл», ушли) – оказалась невыполненной, и маршал Семён Константинович Тимошенко был снят с поста командующего фронтом. На его место назначен генерал-полковник Иван Степанович Конев. Однако и Коневу не удалось добиться успеха в Старорусской операции – слишком тяжёлые потери понесли войска.

Общим же ходом операции «Полярная звезда» руководил представитель Ставки Верховного Главнокомандования маршал Георгий Константинович Жуков.

Считается, что Старорусская операция завершилась 19 марта, однако, атаки советских войск не прекращались ещё несколько дней. И лишь когда стало окончательно ясно, что все они обречены на провал, фронт перешёл к обороне.

В сводке Совинформбюро от 27 марта 1943 года без особого энтузиазма сообщалось о боях на Северо-Западном фронте: «Южнее озера Ильмень бойцы Н-ской части вели бои за овладение опорным пунктом противника. Два раза эти выгодные позиции переходили из рук в руки. В результате боя наши подразделения уничтожили 120 гитлеровцев, полностью очистили от противника опорный пункт и закрепились в нём. Захвачены различные трофеи».

Старорусская наступательная операция (4-19 марта 1943 года) вошла в историю Великой Отечественной как одна из самых кровопролитных: почти тридцать две

тысячами убитыми (в сводках они значились как безвозвратные потери) и более семидесяти тысяч ранеными. Такой невероятной ценой были оплачены два десятка километров родной новгородской земли, лесистой и болотистой, отбитых у врага!

И то, что правнук поэта в боях под Старой Руссой отделался лишь контузией, можно считать величайшим везением. Совсем рядом разорвался вражеский снаряд – очнулся Григорий Пушкин уже в медсанбате...

Оправившись от контузии, с лета 1943-го он – на 2-м Украинском фронте. Сражался на знаменитой Курской дуге. Освобождал Харьков, Сумы, Николаев, Керчь. Форсировал Днепр. Чудом избежал гибели в Корсунь-Шевченковском котле. И, как ни странно, благодаря своей светоносной фамилии: командир дивизиона, случайно узнав, что у него служит правнук великого поэта, буквально накануне той операции, стоившей жизни тысячам наших солдат, отправил Григория Пушкина в офицерскую школу.

Освобождал Белоруссию. После взятия советскими войсками Лиды был назначен заместителем военного коменданта города.

На лейтенантском кителе, вернувшегося с войны Григория Пушкина, победно блестя ордена Отечественной войны I и II степени, «Красной Звезды», боевые медали...

В мирное время он любил приезжать в Беларусь. Выступал с рассказами о своём великом прадеде в Минске, Лиде, Гродно, Молодечно... Знаю со слов отца, Андрея Андреевича Черкашина, пушкиниста и близкого друга Григория Григорьевича, какой горячий приём оказали им в Могилёве читатели городской библиотеки. Именно в этом белорусском городе, лежавшем на пути Александра Сергеевича, давным-давно восторженно встречали самого поэта!

...Пушкину довелось побывать в Белоруссии лишь проездом – из южной Одессы в северную Псковскую губернию, в сельцо Михайловское. Вечером 7 августа 1824 года, преодолев сотни вёрст по дорогам Малороссии, он достиг Могилёва. Там на почтовой станции поэта уже встречали его горячие почитатели – офицеры гусарских полков, расквартированных в Могилёве. Дружеская пирушка, начавшаяся тут же, в станционном доме, продолжилась на квартире Куцынского, корнета Лубенского гусарского полка. Александр Сергеевич читал стихи, и ему восхищённо внимали brave гусары.

Вот как вспоминал о той встрече один из офицеров: «Господа, сделаем нашему кумиру ванну из шампанского! Все согласились, но Пушкин, улыбнувшись, сказал: «Было бы отлично, я не прочь прополоскаться в шампанском, но спешу, ехать надо...» Мы всей гурьбой проводили его на почту, где опять вспрыснули шампанским...»

Не одна бутылка игристого была распита в ту ночь, а под утро вся весёлая компания проводила поэта в дорогу. В пятом часу утра Пушкин покинул гостеприимный Могилёв. Но тот знаменательный день, проведённый на белорусской земле, вошёл в летопись жизни российского гения.

Не менее восторженно чествовали и современные поклонники Пушкина его правнука, столь близкого по крови поэту. Да ещё героя-орденоносца, фронтовика, прошедшего дорогами войны и по Беларуси! Не раз тогда Григорию Григорьевичу приходили на память слова великого прадеда о белорусах, как «народе издревле нам родном». Да и белорусский Новогрудок стал родиной для отца, в будущем полковника Пушкина, – ведь в том краю служил его дед Александр Александрович.

После войны долгие годы Григорий Григорьевич Пушкин работал в типографии «Правды» мастером глубокой печати. А когда вышел на заслуженный отдых, много ездил по стране, встречаясь с почитателями Пушкина и рассказывая о славной истории своей семьи.

Фронтовые друзья Григорий Григорьевич Пушкин и Андрей Андреевич Черкашин – пушкинист-генеалог в Михайловском. 1988 г.

Григорий Григорьевич Пушкин

Его восьмидесятилетний юбилей с размахом отпраздновали в Колонном зале бывшего Московского Благородного собрания, старые стены коего помнили имена Александра Пушкина и его красавицы-невесты Натали Гончаровой. Могли ли молодые счастливицы и помыслить, что спустя полтора столетия здесь же, в сердце Москвы, будут чествовать их неведомого правнука?!

«Бескорыстная мысль, что внуки будут уважаемы за имя, нами им переданное, не есть ли благороднейшая надежда человеческого сердца?», – и вопрошал, и веровал сам Александр Сергеевич. Сколь удивительным образом сбылось давнее чаяние поэта!

Так магически притягательно имя Пушкина, что «уважаемы» за него не только внуки поэта, но правнуки и праправнуки. По счастью, не только за кровную связь с русским гением, но и за свои героические судьбы.

АЛЕКСАНДР ВСЕВОЛОДОВИЧ КОЛОГРИВОВ (1916–1968), ПРАПРАВНУК ПОЭТА.

Детство его, о котором он всегда тепло вспоминал, прошло в белорусском Бобруйске. «Я очень люблю Бобруйск – мой родной город», – не раз признавался друзьям Александр Кологривов. «Бобруйск!.. Моё детство! Я вспоминаю яблоневые сады, среди которых прячутся деревянные домики, разливы Березины, развалины древней крепости... О крепости ходили легенды...

Как только в лесу появлялись первые подснежники, моя мать брала нас с братом в Киселевичский бор. Мы шли по Гоголевской улице, мимо распускающихся садов. Проходили кладбище. Отсюда начинались поля. Над полями струилось марево. В небе звенели жаворонки, а вдали чернел сосновый бор...

Летом мать тоже предпринимала с нами путешествия. Но чаще всего мы ходили в это время года на Березину. Там, в густой траве, петляла речушка Крапивка с удивительно чистой ключевой водой. Мы купались в Крапивке, брызгались, носились по лугам за бабочками и стрекозами...»

Но лишь ранние годы братьев были столь беззаботными и радужными. «У моих сыновей было страшное детство, – спустя много лет горевала мать, Софья Павловна. – Если бы кто-нибудь талантливо описал его, не одно поколение плакало бы над этой книгой».

Отец братьев Всеволод Александрович Кологривов, царский офицер, служил у адмирала

Александр Всеволодович Кологривов

Колчака вплоть до пленения и казни Верховного правителя России, затем – у генерал-лейтенанта Миллера, главнокомандующего сухопутными и морскими силами на севере России. Оба они, как известно, потерпели крах в борьбе с большевизмом. Поручик Кологривов сумел эмигрировать в Лондон, где состоял при военном атташе, представлявшем интересы Белой гвардии. Но зов Родины был слишком силен, и в 1920-м из благополучной сытой Англии он вернулся в голодную большевистскую Россию, в Архангельск, приведя с собой и два корабля, обещанных прежде союзниками генералу Миллеру. Что и говорить о «тёплых объятиях», с которыми встретила Родина «заблудшего» сына! Бывшего белогвардейского офицера ждали аресты, сталинские лагеря и поселения. Но, видимо, щедрый подарок советской власти в виде двух боевых кораблей (!) уберёт поручика от скорого и бесславного расстрела!

«Хочу вас видеть, хочу жить с вами!», – отчаянное, подобное крику, но всё ещё полное надежды письмо Всеволода Кологривова к жене и сыновьям. Третий и последний его арест случился незадолго перед войной. А в 1942-м (когда его сыновья сражались на фронтах Великой Отечественной!) он, отец двух советских солдат, сам не запятнавший чести офицерского мундира, бесславно умер на тюремных нарах...

Безотцовщина – страшный смысл этого слова братьям пришлось постичь с раннего детства. О том, как пыталась выжить правнучка поэта в голодные двадцатые, свидетельствует письмо академика Сергея Фёдоровича Ольденбурга: «Средства к жизни она (Софья Павловна Кологривова) получает от продажи домашних вещей..., при наполовину потерянной трудоспособности ей, с двумя малолетними детьми, угрожает самая тяжкая судьба».

Внемля ходатайству академика Ольденбурга – к слову, известного востоковеда, основателя русской индологической школы и знатока буддизма – в том же, 1927-м, десятилетний Александр был отправлен в детский дом, а восьмилетний Олег – в детскую колонию. Позднее обоих братьев перевели в Минский детский дом. Сама Софья Павловна также не избежала ареста, однако, обвинение в шпионаже, обычное по тем временам, вскоре с неё сняли. И лишь в преддверии пушкинского юбилея 1937 года правнучке поэта выделили в Москве комнату, и семья наконец-то воссоединилась. Но уже без главы семейства, отца и мужа...

В Москве Александр стал студентом Зооветеринарного института, ведь за его плечами был уже коневодческий техникум, – он знал и любил лошадей. Недаром его великий предок, тонкий знаток лошадей, некогда заметил, что это благороднейшее животное справедливо почитают «важнейшим приобретением человечества».

В те студенческие годы товарищи Александра Кологривова немало дивились тому, как их сокурсник своими тонкими чертами лица и кудрявыми волосами удивительно походил на великого Пушкина! А ведь он своё родство никогда не афишировал. Проучился Александр в зооветеринарном институте недолго, перешёл в педагогический институт на факультет русского языка и литературы, успев окончить его перед самой войной.

С начала Великой Отечественной Александр Кологривов – курсант Муромского училища связи. В октябре 1941-го в составе 28-й стрелковой бригады защищал столицу. Вместе с боевыми друзьями командир отделения связи сержант Александр Кологривов стойко держал оборону под Истрой, в районе Красной Поляны, и под Волоколамском.

Парадокс минувшей войны: именно под Истрой советские войска применили для обороны пушки образца... 1877 года! Времен Русско-турецкой войны, героическим участником коей был прадед Александра Кологривова полковник Александр Пушкин. Ну а те исторические пушки были изъяты из музейного резерва по приказу Сталина – артиллерийских орудий для обороны Москвы катастрофически не хватало. Ошарашенные, сбитые с толку, немцы решили, что русские применили на том участке фронта сверхсовременные неизвестные им орудия!

...В январе 1942-го Софья Павловна получила долгожданный солдатский треугольник. Сын писал: «Я целый и невредимый, вышел из полуторамесячных боев. Теперь мы находимся почти на отдыхе (хотя мирным жителям это и кажется ужасным фронтом) ... Между прочим, полтора месяца назад проезжал через Москву на машине и совсем около дома, но не было возможности зайти домой или к кому-нибудь из знакомых, ну ничего, – может, ещё побываю».

Александр Кологривов – курсант Муромского училища связи, фотография 1941 г.

А в феврале под Вязьмой Александр был ранен в ногу осколком мины, попал в госпиталь. Несколько месяцев пролежал в госпитале, из госпитальной палаты был вновь направлен в Муром, в училище связи.

Восстановился после тяжёлого ранения и в апреле 1945-го в звании младшего лейтенанта вновь ушёл на фронт. Командир взвода связи одной из стрелковых дивизий 2-го Белорусского фронта. Форсировал Одер: под шквальным огнем немцев доставлял в лодке кабель, нужный для чёткой связи между частями наступавших советских войск.

Александр Кологривов рассказывал: «В ту весну река разлилась на два-три километра. Под свинцовым дождем прокладывался кабель, обеспечивая связь. Приказ был один: продержаться хотя бы сутки. Получилось иначе: укрывшись среди кустов поймы, отвлекая огонь на себя, мы просидели в лодке десять суток...»

Рвались снаряды, и осколок одного из них лёг почти у самых ног лейтенанта. Причалив к берегу, он сунул в карман шинели увесистый фашистский «сувенир».

Было ещё немало вражеских атак, и всё же дошёл лейтенант до Берлина! И стал свидетелем агонии нацистской Германии. Бесспорно, знал Александр Кологривов, что бывший её главарь покончил с собой в Фюрербункере – одном из засекреченных и самых укрепленных бункеров Берлина. Слышал, что на том самом диване, где адъютант фюрера обнаружил труп Адольфа Гитлера, снялся на память советский боец. Весёлый солдатик – чуб из-под пилотки, с орденом и медалью на гимнастёрке – сидит, как на завалинке, на диване Гитлера. Вот он, ещё один символ Победы! Не столь, правда, знаковый, как водружённое над Рейхстагом Красное знамя.

Вновь наши вторглись знамена...

В победном мае среди солдатских надписей на Рейхстаге появилась и эта: «От Ленинграда до Берлина. Пушкин». Надпись вывели на стене бойцы дивизии – той, что освобождала Пушкинские Горы, Михайловское и Тригорское, а затем штурмовала Рейхстаг. Знать бы тем безымянным бойцам, что их шуточная надпись исполнена сокровенного смысла: до Берлина действительно дошли два брата, два наследника Пушкина!

Верно, и сам Александр Кологривов сфотографировался с боевыми друзьями у стен поверженного Рейхстага. Заветный снимок для победителей!

В Москву вернулся с орденом «Красной Звезды» на офицерском кителе и боевыми медалями. Об ужасах войны вспоминать не любил, либо афористично замечал: «Уснёшь в окопе – проснёшься: на мертвеце лежишь...»

Долгие послевоенные годы Александр Кологривов работал на Всесоюзном радио. Вот лишь некоторые из прозвучавших в эфире передач журналиста Александра Кологривова: «К нему не зарастёт народная тропа», «О предках и потомках поэта», «Солдаты Пушкины – сыны России».

Не раз бывал журналист Александр Кологривов и в любимой им Беларуси, заезжал и в Бобруйск. Вот что писал он белорусскому профессору-пушкинисту: «Бобруйск, конечно, сильно изменился, но много и прежнего. Это волнует, хочется ещё побывать в нём, показать родной город своей семье».

Не успел. В августе 1968-го его не стало... Тем летом он приступил к исполнению давнего замысла: записать воспоминания детей Фёдора Шаляпина – Бориса, Лидии, Ирины – об их великом отце, «царь-басе». Мыслил вместе с ними побывать в Ленинграде и Михайловском, заповедной усадьбе, но внезапная смерть разрушила жизненные планы.

ОЛЕГ ВСЕВОЛОДОВИЧ КОЛОГРИВОВ (1919–1984), ПРАПРАВНУК ПОЭТА.

Вместе со старшим братом рос в Бобруйске и так же, как Александр, с нежностью вспоминал своё белорусское детство.

С начала войны он, студент Московского института прикладного и декоративного искусства, – в народном ополчении. Ушёл на фронт добровольцем. В декабре 1941-го, в контрнаступлении под Москвой был ранен в ногу осколком разорвавшейся мины. Истекая кровью, почти три километра полз по снегу до медпункта! Но выжил, фронтовой хирург сумел сотворить чудо – спасти ногу – инвалидом не стал. После госпиталя – вновь в строй!

В 1942-м миномётчик Олег Кологривов в рядах 19-й гвардейской дивизии сражался за Ленинград, на Синявинских высотах.

Владеть высотами – значило контролировать обширную территорию: от Ладоги, на севере, до реки Мги, на юге. Да и место то было определено для будущего скопления наших сил, для прорыва блокады – ведь расстояние между Волховским и Ленинградским фронтами там было минимальным.

Битва за Синявинские высоты – одна из трагических страниц обороны Ленинграда. В сентябре 1941-го, после прорыва немцев к Ладоге, высоты оказались в их руках, не мешкая, гитлеровцы возвели вокруг них мощную систему обороны: доты, дзоты, траншеи... Именно отсюда, с Синявинских высот, фашисты корректировали огонь по ладожской Дороге жизни, целясь в караваны с людьми и с хлебом. Высоты словно господствовали над простиравшимися вокруг непролазными топями – то были ключевые позиции и для немецких, и для советских войск.

27 августа 1942 года войска Волховского фронта перешли в наступление, нанеся немцам удар с востока. Успешно продвигалась на запад, тесня фашистов и 19-я гвардейская дивизия, в которой воевал боец Кологривов. И уже 30 августа её передовой отряд ворвался в посёлок Синявино, захватив орудия и склад с боеприпасами. Но полностью овладеть посёлком тогда не удалось.

В боях за Синявинские высоты комсорг батальона Олег Кологривов получил тяжелейшее ранение: в грудь навывлет – пробиты оба лёгкие! Но смерть не спешила к нему...

Говорили, что земля на болотах вокруг Синявинских высот, сплошь «нашпигована» железом и обильно «напоена» кровью. И то отнюдь не поэтическая метафора.

И смерть и ад со всех сторон...

Гвардии рядовой Олег Кологривов сражался под Гдовом, Псковом, Порховом – в местах, хранивших память его великого предка. Тогда же впервые побывал в Пушкинских Горах, в Михайловском, и был поражён представшей ему картиной вселенского разрушения: искорёженные, пробитые снарядами монастырские главы, разбитый памятник поэту, обугленный сруб родового дома, вырванные с корнем вековые ели и липы...

После очередного ранения в госпитале не залежался – рвался на фронт. Освобождал Прибалтику, Польшу, Восточную Пруссию. Война на долгие четыре года разлучила братьев Кологривовых, но фронтовые пути вели их в одном направлении – на Берлин, столицу фашистской Германии!

*Олег Всеволодович Кологривов,
фотография 1930-х гг.*

Но близок, близок миг победы.
 Ура! мы ломим; гнутся шведы.
 О славный час! о славный вид!
 Ещё напор – и враг бежит.

Довелось ли побывать братьям Кологривовым во взятом рейхстаге... на концерте для победителей, что прошёл в его дымящихся стенах?! Такую возможность исключить нельзя. Если бы они очутились в бывшем гитлеровском парламенте в один из майских дней, когда над рейхстагом уже реяло Знамя Победы, то услышали, как Нина Михайловская, артистка фронтовой бригады, вдохновенно читает пушкинскую «Метель»: «Между тем война со славою была кончена. Полки наши возвращались из-за границы. Народ бежал им навстречу. Музыка играла завоёванные песни... Офицеры, ушедшие в поход почти отроками, возвращались, возмужав на бранном воздухе, обвешанные крестами. <...> Время незабвенное! Время славы и восторга! Как сладко билось русское сердце при слове отечество! Как сладки были слёзы свидания!»

И знакомые строки тонули в бурных солдатских овациях – вот она, побеждающая сила пушкинского слова!

Победа! сердцу сладкий час!
 Россия! встань и возвышайся!
 Греми, восторгов общий глас!..

В октябре победного 1945-го Александр и Олег неожиданно, не зная ничего друг о друге, встретились в Берлине. Случай невероятный! Тогда между фронтами проводились соревнования по плаванию, и братья, оба отличные пловцы, в них участвовали. По команде: «Приготовиться Кологривову!» на старт вышли... оба родных брата.

Младший, Олег Кологривов, занял тогда одно из призовых мест: сам маршал Константин Рокоссовский крепко пожал руку фронтовику-победителю. Рукопожатие маршала, для бойца то стало высокой наградой!

Как и старший брат, Олег Кологривов вернулся с войны с орденом «Красной Звезды» и боевыми медалями. Впереди ждала мирная жизнь со всеми её почти забытыми радостями. Сумел окончить оставленный в военное лихолетье институт, получить желанный диплом художника-дизайнера.

Однажды, это было в Москве в 1950-м, он стал свидетелем необычной сцены: памятник Пушкину передвигали с Тверского бульвара через улицу Горького, нынешнюю Тверскую, на противоположную сторону.

Прораб, ответственный за «переезд» памятника, заметив в толпе созерцателей необычного действия молодого, ладно сложенного мужчину, попросил его помочь: снять давний налёт с бронзового монумента. Знать бы тому безвестному прорабу, что обратился он с просьбой к праправнуку Пушкина!

Олег Всеволодович не отказал (ведь с реставрацией он был знаком не понаслышке!), хотя и странной показалась ему сама идея «переезда» монумента. Ведь памятник – был убеждён он – должен стоять там, где и замыслил поставить его гениальный творец Александр Опекушин!

Посчастливилось Олегу Кологривову исполнить давнюю мечту – побывать в послевоенном родном Бобруйске, вновь пройти по знакомым с детства улочкам.

Но довелось испытать и горькую потерю: скорую смерть любимого брата. Последний раз вместе они встречали День Победы в 1968-м, – осталась на память фотография, где братья Кологривовы рядом, плечом к плечу, весело и с надеждой смотрят в объектив. Словно в вечность.

Братья Александр и Олег Кологривовы в Берлине.
 Октябрь 1945 г.

СЕРГЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ КЛИМЕНКО (1918–1990), ПРАПРАВНУК ПОЭТА.

Как и двоюродные братья, Александр и Олег Кологривовы, связан он кровными узами с Беларусью: вся «троица» достойно представляет «белорусскую ветвь» пушкинского древа.

В годы Великой Отечественной Сергей Клименко был сержантом, командиром приборного отделения зенитной батареи. Защищал от налётов вражеской авиации московское небо. Батарея, где он служил, располагалась на площади Коммуны (ныне площадь Суворова), прямо напротив Театра Советской Армии. Два года провёл праправнук Пушкина в землянке вместе со своим расчётом. В 1943 году направлен в Оренбургское зенитно-ракетное училище, откуда в 1944 году вышел уже офицером и вернулся в строй. К концу войны имел медали «За боевые заслуги», «За оборону Москвы», «За победу над Германией», орден Отечественной войны II степени. Победу Сергей Клименко встретил в звании старшего лейтенанта.

После войны Сергей Евгеньевич окончил Японское отделение Военного института иностранных языков, после чего был переводчиком на Дальнем Востоке.

До 1979 г. работал в Государственном комитете по телевидению и радиовещанию при Совете министров СССР.

БОРИС БОРИСОВИЧ ПУШКИН (1926–2013), ПРАПРАВНУК ПОЭТА.

На фронте с 1943 года.

Ему не исполнилось и семнадцати, когда пришёл в военкомат с просьбой отправить на фронт. Военком принял мудрое решение: направить отважного юношу в Киров, в морское инженерное училище. Из Кирова путь недавнего курсанта лежал в Кронштадт, где и началась его служба моряка-зенитчика Краснознаменного Балтийского флота. Перед отъездом успел проститься с братом.

Обнялся с братом брат; и милым дали руку

Младые ратники на грустную разлуку...

Службу краснофлотец Борис Пушкин начал на эсминце «Минск», лидере эскадренных миноносцев. Затем командовал орудийными расчётами на минных тральщиках. Выполнял боевые задачи по обезвреживанию вражеских мин и расчистке проходов в акватории Рижского и Финского заливов.

Эсминец «Минск» не единожды подрывался на глубоководных минах, был обстрелян и фугасными снарядами. Но всякий раз после капитального ремонта возвращался в боевой строй. В июле 1943-го эсминец занял огневую позицию у Невского лесопарка, откуда целил по немецким войскам в районе Колпино. В 1944-м боевой корабль пришвартовался в Кронштадте, а День Победы встретил в Ленинграде.

После войны эсминец «Минск», обратившись учебным судном, передан был курсантам Высшего военно-морского инженерного училища; позднее выведен из состава флота и превращён в плавучую мишень. В апреле 1958-го «Минск» затоплен

был в Финском заливе, у острова Малый, метким попаданием крылатой ракеты. Что ж, достойная смерть для боевого корабля, некогда гордо именовавшимся лидером эсминцев Военно-морского флота советской страны...

Ну а его бывший матрос, краснофлотец Борис Пушкин, вернулся домой с боевыми наградами: медалями «За оборону Ленинграда» и «За победу над Германией».

Почти полвека его жизнь связана была с созданием отечественных самолётов, – Борис Борисович Пушкин, первый заместитель главного конструктора НПО «Наука», сотрудничал с прославленными КБ (конструкторскими бюро) Яковлева, Туполева, Ильюшина. Участвовал в разработке систем безопасности и при подготовке космонавтов. Был награждён двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом «Знак Почёта», памятными медалями; удостоен звания почётного авиастроителя.

Он, как и старший брат Сергей, в детстве и юности воспитывался у Анны Александровны Пушкиной, внучки поэта, жившей в Москве на Арбате и давшей братьям превосходное образование. Знала Анна Александровна и великое множество устных семейных преданий. Ведь она пользовалась исключительным доверием отца: старый генерал рассказывал дочери Анне все, что слышал некогда от обожаемой им матушки Наталии Николаевны. Щедро делилась знаниями и с маститыми пушкинистами, и безвестными поклонниками поэта. Её называли «живой Пушкинской энциклопедией».

Анна Александровна, не познавшая счастья материнства, всю нерастрченную любовь вместила в осиротевших Сергея и Бориса Пушкиных, своих внучатых племянников. Вместе с ними она поселилась на Арбате: перед печальным пушкинским юбилеем тридцать седьмого года московские власти выделили Анне Александровне просторную квартиру в новом доме.

Бывший фронтовик дорожил и фотографиями прадеда, генерала Александра Пушкина, героя Русско-турецкой войны, кавалера многих русских и иностранных орденов, за личную храбрость награждённого Золотой Георгиевской саблей.

Не случайно, один из снимков, где боевой генерал снят в полный рост в парадном мундире и при наградной сабле, представлен на живописном полотне художника Переяславца. И будто бы любимец Александра Сергеевича, его Сашка, как поэт ласково называл сына, с одобрением взирает на своих героических внуков и правнуков, как и он – ратников-орденоносцев.

СЕРГЕЙ БОРИСОВИЧ ПУШКИН (1925–2015), ПРАПРАВНУК ПОЭТА.

В годы Великой Отечественной, семнадцатилетним, он стал курсантом Красноярского авиационно-технического училища. Получил специальность механика-моториста: возвращал в строй после боевых вылетов истребители и самолёты-штурмовики Ил-2. Его воинская часть базировалась на Алтае, в Славгороде. Победу же встретил в Маньчжурии, где служил механиком самолётов штурмовой авиации.

В феврале 2014-го расспрашивала его о войне. Запомнилась его полушутливая фраза: «С братом одинаково быстро шли: я получил орден, а Борис отвечает: а у меня – два!»

Послевоенная жизнь Сергея Пушкина была насыщенной, деятельной, яркой. Вот лишь некоторые из покорённых им научных высот: Сергей Борисович Пушкин – заслуженный метролог Российской Федерации. Специалист по точному измерению времени и частоты. Главный конструктор первых в нашей стране сверхточных квантовых

Сергей Борисович Пушкин, фотография 1949 г.

(атомных) часов. Член комиссии Международного астрономического союза. Автор более ста научных работ. Лауреат Государственной премии СССР. Кавалер золотой, серебряной и бронзовой медалей ВДНХ.

Он, один из руководителей Института метрологии, времени и пространства, в течение тридцати лет был хранителем созданных им уникальных часов. «Пушкинские часы» (а это Государственный первичный эталон времени и частоты) – точнейшие на Земле. Представить только: за 500 000 лет они смогут опоздать всего лишь на секунду!

Пушкин – главный хранитель времени! Звучит необычно... Но сколь много в том символики! Коллеги именовали Сергея Борисовича «отцом-основателем Международного атомного времени» и ещё – «великим человеком, человеком-эталонном».

Так уж было определено свыше: лишь Сергею Борисовичу Пушкину, единственному из потомков поэта, участников войны, представших на совместном портрете, выпала судьба встретить семидесятилетие Победы. Увы, до будущего великого праздника – победного 75-летия – дожить ему не пришлось...

Как созвучны раздумья поэта с судьбами его потомков-фронтовиков – тех, кто остались вечно молодыми на полотне военного художника!

Словно виделось Пушкину сквозь даль веков:

За строем строй течёт, все мутью, славой дышат...

Каждый год портреты отважных потомков Александра Пушкина среди тысяч других проплывают в марше «Бессмертного полка» по майской Москве. По Тверской улице мимо величественного и строгого памятника русскому гению.

...А в морозном декабре сорок первого мимо памятника поэту по Тверской печатали шаг бойцы Красной Армии, спешившие к подмосковным рубежам, на защиту столицы. И бронзовый Пушкин будто склонял свою курчавую голову перед подвигом незнаемых им потомков.

МЕДАЛЬ «ЗА ОБОРОНУ ЛЕНИНГРАДА»

*Иль нам с Европой спорить ново?
Иль русский от побед отвык?
Иль мало нас? Или от Перми до Тавриды,
От финских хладных скал до пламенной Колхиды,
От потрясенного Кремля...*

Александр Пушкин

«Мы гордимся нашими отцами...»

Владимир Путин

*(Из ответа Президента России на вопрос о
переписывании истории и героизации фашизма на
пресс-конференции в декабре 2020 года)*

ФАМИЛЬНАЯ ЛЕТОПИСЬ

Жизнь с рождения не баловала Алика, так в семье звали маленького Александра Писнячевского. Его мать Елена Николаевна, в девичестве Быкова, появилась на свет в сентябре 1899-го, когда вся Россия праздновала юбилей великого поэта. И родилась она в удивительной семье, соединившей фамилии двух российских гениев – Пушкина и Гоголя. Ветвь родословия Александра Писнячевского берёт начало от старшего сына Пушкина, лихого полковника-гусара, подвиги которого и по сей день не забыты в Болгарии. И на семейном поприще отличился любимец поэта – стал отцом тринадцати детей! Одна из дочерей – девятнадцатилетняя Мария, внучка поэта, – в 1881 году вышла замуж за Николая Владимировича Быкова. Молодой офицер служил в 13-м гусарском Нарвском полку под началом Александра Александровича Пушкина, был его адъютантом. И так же, как его командир, награжден за храбрость, проявленную в сражениях Русско-турецкой войны, золотым оружием.

Николай Быков приходился родным племянником и тёзкой Николаю Васильевичу Гоголю. Так причудливо переплелись родословные ветви двух русских гениев: Пушкина и Гоголя!

Некогда в своих письмах к Пушкину Николай Васильевич подписывался: «Вечно ваш Гоголь». Будто ведомо было ему о грядущем родстве с поэтом.

...После венчания молодые обосновались в родовой гоголевской усадьбе Васильевка. Здесь супружеской чете суждено будет счастливо прожить многие годы, здесь появятся на свет их дети – девять братьев и сестёр: семейное древо прирастёт раскидистой «Полтавской ветвью».

...Алик вырос и, окончив в 1938-м школу, решил связать свою судьбу с морем. И отправился в Ленинград. Там, на Васильевском острове, Александр Писнячевский успешно сдал экзамены в Морской техникум (прежде именованный Морской академией, основанной ещё по указу Александра II, затем – Ленинградским высшим мореходным училищем, а ныне – Государственным университетом морского и речного флота имени адмирала Макарова). Став курсантом судомеханического отделения, приступил к постижению флотских наук. Весть о начале войны застала юношу в Шлиссельбурге, где проходил он учебную практику.

Небольшое отступление. С взятием немцами Шлиссельбурга – 8 сентября 1941 года – и начался отсчёт блокадным дням: немцы максимально близко подошли к Ленинграду, почти взяв его в кольцо. Здесь, возле старинной русской крепости Орешек в истоке

Канонерские лодки Ладужской военной флотилии.

Худ. И.Н. Дементьев

Невы, 25 сентября был высажен кораблями Ладужской военной флотилии Шлиссельбургский десант, героически погибший...

Не раздумывая, Александр тотчас вступил в ряды добровольцев. На ставшем ему родном Балтийском флоте довелось испробовать множество флотских профессий: и опускаться в морские глубины на подводной лодке, и бороздить волны на канонерке. Конвоировал корабли с воинскими подразделениями – те, что шли на прорыв блокады

и те, что везли хлеб в голодающий город. Сражался не только на Балтике, но и на Ладозе, где пролегла легендарная «Дорога жизни».

Скупые строки из послужного списка краснофлотца Писнячевского: «Плавая котельным машинистом на канлодке «Бира», он своим трудом обеспечивал бесперебойную работу паровых машин. В то время канлодка производила переброску войск, вооружения и продовольствия в район Садми и Мантисари на Ладужском озере и вела боевые стрельбы по противнику. Во время артиллерийского обстрела получил общую контузию».

Работа котельного машиниста, в обиходе – кочегара, и в мирное то время считалась адовой, что уж говорить о военном. Чёрная работа войны, без которой не было бы Победы.

Александр Писнячевский, единственный в роду Пушкиных, или, точнее, в морской династии поэта, подводник. Сражался за город, воспетый великим предком и навечно соединённый с его именем в отечественной и мировой поэзии. Город, давший жизнь его прадеду – генералу Александру Александровичу Пушкину, старшему сыну поэта и его любимцу.

Но вот необычное скрещение судеб. Один их бойцов, защищавший подступы к северной столице, – Владимир Путин – был тоже подводником. Какой неожиданный сюжет могла закрутить история, если бы в отсеках одной подводной лодки бок о бок сражались отец будущего Президента России и наследник самого Александра Сергеевича?! Но факты вещь упрямая. Хотя исключить возможность самой, пусть и маловероятной, встречи нельзя: время-то было одно, один фронт и одна цель – защитить родной Ленинград!

И всё же есть, что объединяло двух фронтовиков незримым, но самым верным образом – медаль «За оборону Ленинграда», врученная им обоим. Как и медаль «За боевые заслуги». Только на гимнастёрке бойца Путина поблескивал ещё и орден «Отечественной войны 1 степени». Оба они были краснофлотцами, и оба – добровольцами.

Правда, Владимир Спиридонович Путин служил подводником до войны. Да и военная служба Александра Писнячевского связана была большей частью не с подводной, а с канонерской лодкой. Хотя, как говорят на флоте, бывших подводников не бывает!

Вот что рассказывает об отце в книге «От первого лица» Президент России Владимир Владимирович Путин: «В 1932 году родители приехали в Питер. Мама пошла работать на завод, а отца забрали в армию, и он служил на подводном флоте». После службы Владимир Спиридонович демобилизовался, работал на заводе.

Когда началась война, Владимир Путин-старший, к слову, имевший заводскую бронь, что давала ему право работать в тылу, в числе первых подал заявление на фронт.

С начала войны добровольца Путина определили в диверсионный истребительный отряд НКВД. Во время операции (группа уничтожила немецкий эшелон с боеприпасами) в лесу под Кингиссепом попал в засаду. Спасла природная смекалка:

Владимир Спиридонович Путин во время флотской службы, фотография 1932 г.

переждал немецкую облаву, с головой погрузившись в болото и дыша через камышовую тростинку. Ушли тогда на задание двадцать восемь бойцов, вернулись лишь четверо...

В октябре сорок первого рядовой Владимир Путин в составе 330-го стрелкового полка 86-й стрелковой дивизии был направлен на так называемый Невский пяточок, снискавший доблестную и кровавую славу, – плацдарм на левом берегу Невы.

Среди солдат в ходу была поговорка: «Кто на Невском пяточке побывал, тот смерть свою повидал». Хоть и не раз смотрели они – смерть и рядовой Путин – в глаза друг другу, и утопал он в болоте, и нещадно голодал, и был тяжело ранен, но судьба хранила бойца. Видно, у неё, у смерти, были свои планы относительно этого обычного с виду, ничем не примечательного солдата.

Военные историки подсчитали: средняя продолжительность солдатской жизни на Невском пяточке равнялась пятидесяти двум часам, – чуть более двух суток... Нет, не Бог и не природа определили высшему своему творению – человеку – столь мизерный срок бытия! Считают, что число погибших на этом клочке земли – всего-то два километра в длину и восемьсот метров в ширину – равнялось восьмидесяти тысячам человек, а может и много более... Кто знает, как подсчитать те потери?! И можно ли? Говорили, Нева близ адского пяточка становилась багрово-красной...

Ещё в сентябре 1941 года, при первой попытке прорвать блокаду Ленинграда, Невский пяточок отчаянно защищался. А назван он так потому, что на карте казался размером с пяточок, – монетку в пять копеек довоенных времён. Но цена Невского пяточка оказалась непомерно высокой!

*Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?..*

Поистине, та пядь земли имела судьбоносное значение для Ленинграда. Задача его защитникам ставилась почти нереальная – не только сдерживать натиск немецкой армии, как можно изматывая её силы, но в будущем – стать плацдармом для прорыва ненавистой блокады.

В апреле 1942 года, несмотря на мужество и отчаянное сопротивление советских солдат, Невский пяточок был взят. Через полгода, в сентябре, плацдарм невероятными усилиями вновь отбит у немцев. А уже в январе 1943 года близ него «полюхнула» «Искра» – так называлась операция, в которой были задействованы и Балтийский флот и Ладожская военная флотилия, сумевшая прорвать, «прожечь» блокаду. Два фронта – Ленинградский и Волховский – встретились 18 января 1943 года: в блокадном кольце пробита долгожданная брешь!

Тот январский день запечатлелся в памяти двух бойцов – моряка Александра Писнячевского и стрелка Владимира Путина, не знавших, верно, друг друга, но сражавшихся почти рядом – один на Ладоге, другой на Невском пяточке и Невской Дубровке. И разделяли их подчас всего лишь десятки километров, – огненных, смертоносных!

Оба они приближали знаковый и счастливый для Ленинграда день, день конца блокады – 27 января 1943 года, – и жизненные пути их были тогда максимально сближены. Ну а потом, как то и бывает, разошлись.

Замечу, тот январский день, последний день ленинградский блокады, вошёл в пушкинскую летопись: 27 января на Чёрной речке прозвучали дуэльные выстрелы...

Из наградного листа стрелка 330-стрелкового полка Владимира Путина: «В Красной Армии с VI. 41 по IV. 42 г. <...> Одно тяжёлое ранение на Ленинградском фронте. 17 ноября 1941 г. под Невской Дубровкой... получил тяжёлое осколочное ранение в левую голень, стопу, с переломом большой берцовой кости...»

*«Невский пяточок», фрагмент трёхмерной панорамы «Прорыв»
в музее-заповеднике «Прорыв блокады Ленинграда»*

Бойца Путина ожидало спасение. По тонкому невшкому льду, под нескончаемый свист пуль и грохот снарядов пролегла его собственная «Дорога жизни».

Остался жить благодаря другу-однополчанину. Вот как о том недавно рассказал школьникам во Владивостоке, в первый сентябрьский день, сам Президент: «Отец у меня участник Великой Отечественной войны, воевал в том числе и на Ленинградском фронте, на так называемом Невском пяточке. Это маленький участок земли на одном из берегов, по-моему, глубиной два километра, шириной четыре километра, ну примерно. А всё вокруг – это фашистские войска, а наши основные войска на другом берегу реки Невы. Вообще, такая мясорубка там. А немецкие войска стояли чуть выше, и они легко простреливали этот маленький клочок. И держали его наши воины для того, чтобы использовать этот плацдарм для будущего снятия блокады, для прорыва блокады Ленинграда. И там, конечно, выжить было очень сложно. Отец был ранен. Но для того, чтобы он остался жив, нужно было обязательно его в госпиталь переправить. Госпиталь – на другой стороне реки Невы, а чтобы туда переправить, нужно рискнуть жизнью. И, честно говоря, желающих было немного, потому что даже ночью, если ползти на другой берег реки Невы по льду – а это была зима, – человек, который бы это делал, подвергался смертельной опасности, потому что прожекторы всё легко просвечивали, и любая цель достаточно легко уничтожалась. И оказалось, что рядом с ним воевал его сосед по дому, по квартире, друг. Он его взял и потащил, рискуя собственной жизнью. Перетащил на другую сторону реки Невы, доставил в госпиталь, сдал, обнял его и сказал: ну прощай, ты будешь жить, а я возвращаюсь, иду умирать. Вот это дружба и чувство долга и перед конкретным человеком, перед своим другом, и перед Родиной. И ушёл назад, на этот Невский пяточок».

Сказал на прощанье товарищу простые слова, что тот будет жить, искренне, без зависти и пафоса.

Владимир Путин досказал продолжение этой необычной истории: «Где-то в 1962 году отец пришёл домой со слезами на глазах. Он встретил этого своего друга в магазине. Случайно. Тот оказался жив».

...В медсанбате врачи свершили чудо – спасли от верной смерти рядового бойца Путина, потерявшего слишком много крови, спасли и его искалеченную ногу. Инвалидом в тридцать лет Владимир Спиридонович не стал. Долечивался он уже в блокадном Ленинграде. А свой паёк, скудную пайку раненого бойца, отдавал жене Марии и сынишке Виктору, так и не пережившему ужасов блокады... Однажды и сам свалился в голодный обморок. Ещё одно испытание поджидало его: блокадной осенью 1942-го,

придя навестить жену, увидел, что её, как покойницу, выносят из дома. Наклонился – почувствовал слабое её дыхание. Жива! И тогда, крича и угрожая оружием, фронтовик заставил похоронную команду вернуть домой почти бездыханную жену.

Воистину, все повести на свете о великой любви меркнут перед этой непридуманной историей! Выходил свою Марию, и Победу, «сердцу сладкий час», встретили вместе.

Приказ о награждении Владимира Спиридоновича Путина медалью «За боевые заслуги» подписан 22 июня 1945 года, ровно – день в день – спустя четыре года, как бывший краснофлотец-подводник, услышав о начале войны, поспешил в военкомат.

НАВЕКИ КРАСНОФЛОТЕЦ

Но вернёмся к судьбе Александра Писнячевского.

Его боевой путь накрепко слит с флотской судьбой канонерской лодки «Бира». Её «родословная» имела немецкие корни: канонерка спешно была переоборудована из шаланды, построенной в Германии на гамбургской верфи по заказу советской страны, незадолго до начала войны. И уже 14 июля 1941 года «Бира» вошла в состав Балтийского флота. Вскоре по приказу командования вышла из Кронштадта в Шлиссельбург для взятия боеприпасов и через пять дней стала числиться боевой единицей Ладужской военной флотилии. В ходе высадки морского десанта на её борту разорвался немецкий снаряд, убивший пятерых и ранивших десятки матросов.

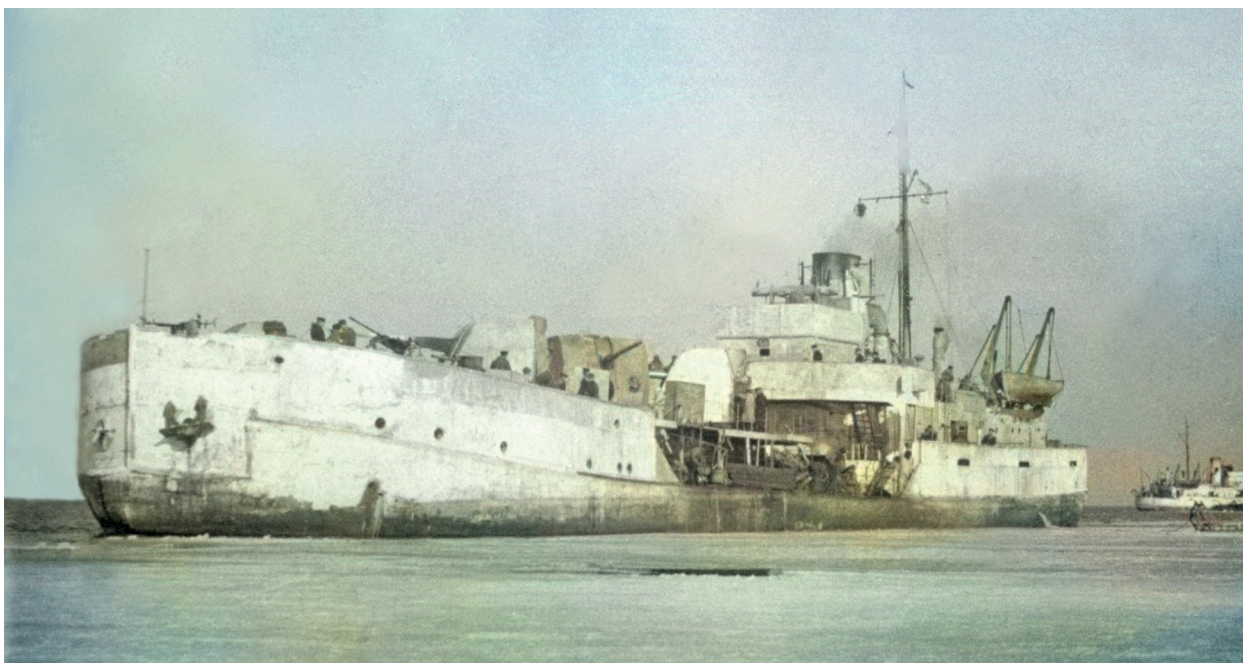
«Бира» прикрывала артиллерийским огнём отход наших войск с острова Лункулансаари. 27 июля командиру канонерки был дан приказ оказать огневую поддержку войскам на берегу, но, подойдя в тумане к острову, моряки увидели плавающих на плотках своих товарищей. Все они были спасены, приняты на борт и переданы на другие корабли. Вечером того же дня канонерка «Бира» открыла огонь по немецким позициям у реки Видлицы, поддерживая сухопутную оборону наших войск.

Огневую поддержку наших войск, державших оборону на северо-западном побережье Ладоги, канонерка начала 9 августа. Экипаж – сто моряков – сражался отчаянно.

В тот первый военный год «Бира» конвоировала суда, доставлявшие войска, боеприпасы, продовольствие. Пока в начале октября на рейде не получила прямое попадание авиабомбы в кормовую часть. Пришлось стать на ремонт, затем и на зимовку. «Оправившись», вышла на боевое патрулирование.

А 28 мая 1942 года – трагический день в летописи «Бирь» – немецкая авиабомба буквально разворотила носовую часть лодки вместе с ходовой рубкой. Командир погиб на посту, ранен был и командир дивизиона канонерок. Но вновь, как мифический Феникс, восстав из пепла, «Бира» встала в боевой строй...

Канонерская лодка «Бира» Ладужской военной флотилии

Медаль «За оборону Ленинграда»

Осталась она в нём и поныне: мачта легендарной канонерки обратилась экспонатом музея «Дорога жизни» на Ладожском озере! Вечная стоянка героического корабля, слитая с судьбой её матроса, потомка Пушкина...

Читаю дальше послужной список Александра Писнячевского: «С октября 1944 года работает в типографии газеты «Боевая вахта»... Будучи учеником, он быстро овладел специальностью печатника. Ввиду большой загрузки типографии, работает по 12-14 часов в сутки, обеспечивая регулярный выпуск газеты и других печатных изданий».

Пришлось краснофлотцу сражаться и словом! Пусть косвенно, но не зря ведь в приказе о награждении его медалью «За боевые заслуги» газета «Боевая вахта» значилась воинской частью! И числилась боевой единицей Таллиннского морского оборонительного района Краснознаменного Балтийского флота. Приказ о награждении звучал так: «За образцовое выполнение заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленную при этом доблесть и мужество».

Да и работы, как видно, Александр Писнячевский не боялся. И руки у него были, как говорится, золотыми: «Самостоятельно отремонтировал трофейную немецкую плоскочечатную машину, изготовил из отхода и лома ряд недостающих деталей. Произвёл двухкилометровую проводку высоковольтной линии к мотору печатной машины».

Был награждён медалью «За участие в Великой Отечественной войне». И главной в его жизни – медалью «За оборону Ленинграда»! А позднее и юбилейной: «В память 250-летия Ленинграда». Ею Александр Иванович гордился не менее, чем боевыми наградами.

В 1946-м демобилизовался, но с морем не расстался: плавал на судах торгового флота. Пушкинский 1949-й год – страна праздновала столетие рождения своего гения – застал потомка поэта вторым механиком на теплоходе «Палдиски». Капитан, узнав о необычном родстве своего механика, просил его рассказать товарищам об Александре Сергеевиче – всё что читал или слышал от бабушки Марии, носившей в девичестве поистине лучезарную фамилию.

Сохранилось письмо, точнее радиограмма, отправленная Александру тётушкой Софьей Данилевской, правнучкой поэта, в те праздничные дни: «Дорогой Александр, жду тебя в Ленинграде на юбилейные пушкинские торжества. Желаю тебе и твоим товарищам-морьякам успехов и счастливого плавания».

Невзирая на все жизненные лишения, Александр Писнячевский берёт семейные предания. Сумел за годы войны сохранить фамильные реликвии – гоголевские и пушкинские: серебряный портсигар, принадлежавший деду Николаю Владимировичу Быкову и серебряную ложечку бабушки Марии. Дорогие вещицы вместе с фотографиями потомков поэта передал в Горьковский областной архив. Расставаться с дорогими реликвиями всегда мучительно, но у Александра Ивановича наследников не осталось, а значит, и памятные вещи передать было некому. Кроме, как советскому государству, которое он отважно защищал...

Радостей в послевоенной мирной жизни, признаться, досталось ему немного. С отрадой вспоминал лишь 1968-й год, когда вместе с женой оказался на празднике «Болдинской осени»: там, в родовой усадьбе, его чествовали как почётного гостя – потомка поэта. Мечтал побывать в Михайловском, где жил его великий прапрадед. Но более всего жаждал вновь оказаться в Ленинграде, на Балтике и Ладоге, где прошла боевая юность.

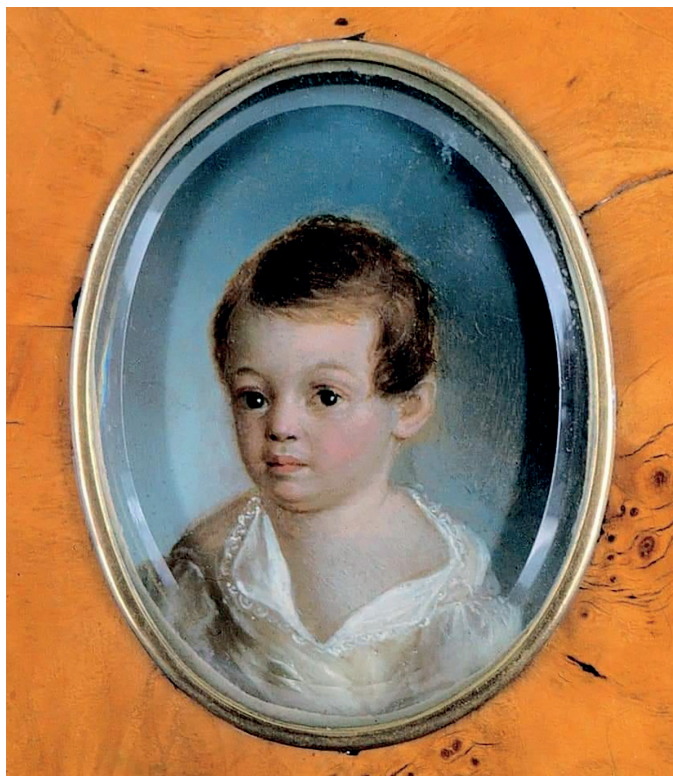
Бывшего краснофлотца Александра Писнячевского не стало в мае 1974 года, накануне великого дня Победы...

Всей своей жизнью он не постыдил памяти великого Пушкина. Не прикрывался его именем, не прятался за спины товарищей. Жил и воевал честно.

КАК МАЛЕНЬКИЙ ПУШКИН «ПЕРЕЖИЛ» ЛЕНИНГРАДСКУЮ БЛОКАДУ

СЛАВНЫЙ ДОКТОР МУДРОВ

*Пушкин-ребёнок, 1801-1802 гг.
Худ. Ксавье де Местр, масло на металлической
пластине, ГМИИ им. А.С. Пушкина*

Почти детективная история обретения одного портрета – ныне бесценной пушкинской реликвии. Вернее, миниатюры, на коей запечатлён смуглолицый малыш – ему не более трёх лет – в белой, отороченной кружевами рубашечке. Это самое раннее изображение Александра Пушкина.

Но подлинность исторической миниатюры долгие годы не подтверждалась. Необычная судьба портрета Пушкина-ребёнка занимала умы многих пушкинистов...

Некогда миниатюра была подарена Надеждой Осиповной, матерью поэта, Софье Великопольской. В память об её отце Матвее Яковлевиче Мудрове, «первом медицинском светиле» и семейном враче Пушкиных, лечившем в своё время от детских болезней и будущего поэта.

«Пошлите за доктором Мудровым!», – такие слова часто слышались в домах москвичей, когда надежда на исцеление кого-то из близких буквально таяла на глазах. Профессор медицины, он внёс немало полезных усовершенствований в науку да и в само медицинское образование, врачевал знатные фамилии, но не отказывал в

помощи и самым бедным, делая то, с истинно христианской добротой, безвозмездно. И в своих учениках, будущих докторов, стремился воспитать «идеал Гиппократова врача»: являть к больным милосердие и сострадание. Вот как он наставлял студентов: «Иногда лечи даром за счёт будущей благодарности, или, как говорится, не из барыша, была бы слава хороша... ибо, кто человеколюбив и милосерд, тот есть истинный любитель и любимец науки».

Имя профессора патологии и терапии Московского университета упоминает Лев Толстой на страницах «Войны и мира».

Как знать, быть может, доктору Мудрову обязана наша отечественная словесность тем, что именно он лечил младенца Пушкина?! И делал то поистине гениально, не дав угаснуть будущей великой жизни. А ведь смертность, особенно детская, была в те времена поистине чудовищной: Надежда Осиповна Пушкина имела горечь потерять пятерых своих детей (из восьми рождённых) в раннем их детстве...

Вот чем объясняется её материнская благодарность и её дорогой подарок! Увы, она не в силах была лично вручить чудесному доктору портрет его бывшего маленького пациента и нынешнее творение его, уже прославленного поэта, – главу «Евгения Онегина» – романа, коим бредила вся читающая Россия. Конечно же, Надежда Осиповна не могла не испытывать гордости за старшего сына!

Вероятно, материнский подарок приурочен был к двум памятным датам: одной – трагической: в июле 1831 года от холеры скончался профессор медицины Матвей

*Матвей Яковлевич Мудров (1776-1831)
один из основателей русской терапевтической школы.
Портрет неизв. худ. нач 19 в.*

Яковлевич Мудров; второй – торжественной: осенью того же года, выждав траур, шестнадцатилетняя Софья Мудрова венчалась с Иваном Великопольским, знакомцем Пушкина.

Свадьбы той весьма желал сам доктор Мудров, ведь с женихом дочери его связывали самые дружеские отношения.

Весть о кончине доктора Мудрова в Петербурге, где прибывший из Москвы на борьбу с холерной эпидемией он заразился и умер, долетела и до Царского Села. Там, летом 1831-го, чета Пушкиных проводила первые счастливые месяцы супружества, и откуда Натали сообщила ту печальную новость дедушке в Полотняный Завод. В письме, опровергая расхожее мнение, что холере подвержено, якобы, лишь простонародье, Наталия Пушкина пишет о смерти знаменитого московского доктора.

Тогда многие из последователей славного врача веровали: «Пока будет существовать Москва – имя Мудрова не придёт в забвение». Не должно быть оно забыто ещё и потому, что навеки соединено с именем Пушкина.

СЕМЕЙНАЯ РЕЛИКВИЯ

Не пройдёт и шести лет с той печальной отметки, как Россия будет потрясена смертью русского гения! Трагедия, случившаяся в Петербурге, на Чёрной речке, чуть слышным эхом отзовется в безвестном тверском сельце Чукавино, родовом сельце Великопольских...

Войдёт в силу век двадцатый, и перед самой Великой Отечественной краевед из близлежащей Старицы отыщет в старом барском доме настоящий клад. Ему невероятно повезет взять в руки первую главу «Евгения Онегина» и прочесть надпись, сделанную Софьей Великопольской: «Эту книгу вместе с портретом сына Александра мне подарила Надежда Осиповна Пушкина, пациентка моего покойного батюшки. 6 февраля 1833 года».

...Возьму на себя смелость утверждать: портрет Пушкина-ребёнка написан во флигеле московского дворца князей Юсуповых! Один из флигелей сказочно красивого терема-дворца и был осенью 1801-го нанят главой семейства Сергеем Львовичем.

Всё семейство Пушкиных числилось прихожанами ближайшего храма Трёх Святителей, что у Красных ворот. В церковной исповедной книге за 1802 год значились: Сергей Львович и Надежда Осиповна Пушкины, их дети: Ольга четырех лет, Александр трёх лет и Николай одного года – все «из двора Юсупова». Дворцовый флигель родители поэта снимали до октября 1803 года.

Глава «Евгения Онегина», дорогая находка, обретенная в Чукавине, увы, безвозвратно погибла в пламени минувшей войны, что опалила и тверскую землю...

А вот портрет маленького Пушкина счастливо уцелел. Бесценная реликвия многие десятилетия хранилась у потомков славного док-

*Софья Матвеевна Великопольская (сидит слева),
дочь доктора Мудрова, хранительница пушкинской
миниатюры, в кругу семьи*

тора: вначале в Москве, потом в тверском имении Чукавино, затем – в Петербурге. Внучка Софии Матвеевны оставила в воспоминаниях фамильное предание: «...М.Я. Мудров бывал на литературных вечерах, устраиваемых С.Л. Пушкиным, отцом поэта, и, кроме того, как отличный врач пользовал семью Пушкиных. К этому именно периоду и относится миниатюра А.С. Пушкина <...> Вообще память поэта была для нашей семьи священна. Миниатюра А.С. Пушкина висела всегда на стене в комнате бабушки С.М. (Софьи Матвеевны) и нам, детям, не позволяли до неё касаться. Помимо детских воспоминаний, уже взрослой, будучи замужем, я слышала от бабки моей Софьи Матвеевны, дожившей до глубокой старости, что эта миниатюра действительно А.С. Пушкина, и как она к ней попала. Миниатюрой у нас в семье чрезвычайно дорожили. Известный историк и пушкинист Модзалевский, неоднократно бывавшей в Чукавине у моей матери, очень просил мою мать (*Надежду Ивановну Великопольскую, в замужестве Чаплину. – Л.Ч.*) продать ему эту миниатюру, а также письма поэта к Великопольскому, но моя мать не согласилась. После её смерти миниатюра досталась мне, а переписка поэта погибла во время революции в имении».

Ленинградцы в годы блокады

Жители Ленинграда разбирают руины дома после артобстрела.

и фельдшером Еленой Чижовой спасены многие солдатские жизни. Красноречивы строки из фронтовой газеты: «Об этой женщине тепло вспоминают сотни бойцов и командиров, от души желая ей долгой и хорошей жизни. Три её ордена свидетельствуют о бесстрашном сердце русской женщины, идущей с санитарною сумкой по полям боев».

Всё-таки Надежда Ивановна передала Борису Львовичу Модзалевскому семейный архив за исключением четырёх писем поэта к её отцу и пушкинской миниатюры. Младшая её дочь Екатерина, в первом браке фон Дрейер, жена подполковника царской армии, во втором – Гамалея, наследовала бесценную реликвию. В Ленинграде, где жила Екатерина Николаевна (шёл 1937-й – год печального пушкинского юбилея), её разыскал сотрудник Государственного литературного музея и предложил продать миниатюру. Однако, по заключению закупочной комиссии музея, точнее, авторитетному мнению одного из пушкинистов, заявившему, что «ничего общего с Пушкиным предлагаемая миниатюра не имеет», реликвию вернули владелице.

Тогда-то, по просьбе искусствоведов, и составила памятную записку правнучка знаменитого врача. Екатерина Николаевна, в девичестве Чаплина, умерла в голодном Ленинграде, в страшном блокадном 1942-м...

Дочери смерть матери видеть не довелось: в самом начале войны Елена Чижова ушла на фронт. Вместе с мужем-ополченцем и сыном. Оба они погибли в боях: единственный сын пал смертью храбрых в штыковой атаке под Ленинградом. Судьба готовила ей чудовищное испытание: самой вытащить убитого сына с поля боя и похоронить его в общей солдатской могиле...

За годы войны старшей медсестрой

Наградной лист с представлением
Елены Александровны Чижовой
ко второму ордену Красной Звезды

Читаем строки из наградного листа на второй орден «Красной Звезды»: «Тов. Чижова в составе дивизии с первых дней Отечественной войны. Имеет хорошую специальную подготовку и практический 30-летний опыт работы по медицинской помощи. На протяжении всего периода боевых действий исключительно самоотверженно работала по оказанию медицинской помощи как на поле боя, своевременным обеспечением выноса раненых из сферы огня, так и своевременной эвакуацией в медсанбат и госпиталя.

В боях 19-24.4.1944 года в районе Уеймыйза тов. Чижовой оказана медицинская помощь непосредственно на поле боя свыше 300 бойцам и офицерам.

24.6.1944 года, когда отдельное подразделение попало на минное поле противника, тов. Чижова, следовавшая с ним, с риском для жизни, непосредственно на минном поле оказала медицинскую помощь 7-ми раненым бойцам, несмотря на то, то сама при взрыве мины была также ранена.

На протяжении всего периода её работы, несмотря на 50-летний возраст, помогает нижестоящему медицинскому персоналу и передаёт свои знания и практический опыт».

Секретный некогда приказ уже давно не является таковым: «Секретно. Приказ частям 125-й стрелковой Красносельской Краснознаменной дивизии Ленинградского фронта. Действующая армия. 30 июня 1944 г.

От имени Президиума Верховного Совета Союза ССР за образцовое выполнение боевых заданий Командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество награждаю: Орденом «Красная Звезда»... лейтенанта медицинской службы Чижову Елену Александровну, фельдшера эвакуационного отделения 147 отдельного медико-санитарного батальона 125 стрелковой Красносельской Краснознаменной дивизии».

А вот что сама героиня писала на страницах «Ленинградской правды»: «Пруссия горит. Она горит, как когда-то горели Колпино, Пушкино и Красный Бор. Я в стране, которая убила моего сына. Но я пришла сюда не мстить, а помогать моей армии».

Елена Чижова участвовала в боях за Вену и Прагу. После войны вернулась в родной Ленинград. Но возвращаться, по сути, было некуда: её квартиру, точнее комнатную перегородку в ней, в щепы разнёс залетевший немецкий снаряд. Как уцелела пушкинская миниатюра, одному Богу ведомо?! Она осталась висеть на нетронутой стене, лишь на изящной рамке появилась зловещая царапина.

ВСЕ ГРАФЫ ЗАПОЛНЯЮТСЯ ПОЛНОСТЬЮ

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

1. Фамилия, имя и отчество ЧИЖОВА, Елена Александровна.

2. Звание Лейтенант м/с 3. Должность, часть Фельдшер Эвакуационно-Отделения 147 Отдельного Медико-Санитарного Батальона 125 Стрелковой Красносельской Краснознаменной Дивизии.

Представляется к ордену "КРАСНАЯ ЗВЕЗДА"

4. Год рождения 1894. 5. Национальность Русская 6. Партийность Член ВКП/б/ с 1941 года.

7. Участие в гражданской войне, последующих боевых действиях по защите СССР и Отечественной войне (где, когда) в Отечественной войне с 1941 года.

8. Имеет ли ранения и контузии в Отечественной войне Ранен 24.6.1944 года.

9. С какого времени в Красной Армии с 1941 года. 10. Каким РВБ признан Ленинградским Горвоенкоматом.

11. Чем ранее награжден (за какие отличия) Медалью "За Оборону Ленинграда" в 1943г. орденом "Красная Звезда" в 1944 году.

12. Постоянный домашний адрес представляемого к награждению и адрес его семьи

ДЛЯ ПОДШИВКИ

I. КРАТКОЕ, КОНКРЕТНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ЛИЧНОГО БОЕВОГО ПОДВИГА ИЛИ ЗАСЛУГ

Тов. ЧИЖОВА в составе дивизии с первых дней Отечественной войны. Имеет хорошую специальную подготовку и практический 30-ти летний опыт работы по медицинской помощи. На протяжении всего периода боевых действий исключительно самоотверженно работала по оказанию медицинской помощи, как на поле боя, своевременным обеспечением раненых из сферы огня и своевременной эвакуацией в Мед. Сан. Бат. и госпиталя.

В боях 19-24.4.1944 года в районе Уеймыйза тов. ЧИЖОВОЙ оказана медицинская помощь непосредственно на поле боя свыше 300 бойцам и офицерам.

24.6.1944 года, когда отдельное подразделение попало на минное поле противника, тов. ЧИЖОВА, следовавшая с ним, с риском для жизни, непосредственно на минном поле оказала медицинскую помощь 7-ми раненым бойцам, несмотря на то, что сама при взрыве мины была также ранена.

На протяжении всего периода её работы, несмотря на 50-ти летний возраст, помогает нижестоящему медицинскому персоналу и передает свои знания и практический опыт.

Тов. ЧИЖОВА достойна награждения орденом "КРАСНАЯ ЗВЕЗДА".

/ КОМАНДИР 147 ОМСБ 125 СКВД
КАПИТАН М/С
/ ПИХНЯК / *Воздухов*

" 28 " Июня 1944 года.

Командир начальник..... (звание)

194 г.

Народный артист СССР Всеволод Якут в роли А.С.Пушкина в драме А. Глоба «Пушкин», 1954 г.

Что мог созерцать с миниатюры Пушкин-ребёнок?! Перед его вдумчивым, серьёзным взглядом мелькали отнюдь не детские картины: медленно, мучительно умирала от голода его хранительница, безутешно, навзрыд рыдала в осиротевшей квартире вернувшаяся с войны её дочь...

Из рассекреченных ныне документов, в их числе и регистрационной карточки добровольца Елены Чижовой, 1894 года рождения, известно, что проживала она по адресу: «Ленинград, улица Каляева, дом 14, квартира 10». Это одна из старейших улиц Петербурга, идущая от Литейного проспекта до Потёмкинской, за столетия не раз меняла название. Именовалась Пушкарской в бытность здесь Пушкарской слободы, затем – Артиллерийской, именовалась и Захарьевской. Название было дано по церкви Святых Захария

и Елисаветы, числившейся при Кавалергардском полку, что прежде стояла на месте дома под номером двадцать.

А в 1923-м старинную улицу переименовали в честь Ивана Каляева, эсеровца-террориста. Того самого, кто в феврале 1905 года в Кремле метнул бомбу в карету московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича. Почти восемьдесят лет, пока в 1991-м не вернули прежнее название – Захарьевская, славная улица носила имя убийцы и террориста.

А сам дом, откуда ушла на фронт Елена Чижова, также имеет свою давнюю историю. На его месте в начале восемнадцатого века располагалась усадьба царевны Натальи Алексеевны, любимой сестры Петра I.

Итак, Захарьевская улица, дом под номером четырнадцать. Вот и ещё один «пушкинский» адрес открылся благодаря сайту «Память народа»!

В юбилейном 1949-м – в год столетия со дня рождения поэта – Елена Александровна Чижова пыталась передать семейную реликвию в Пушкинский Дом. Но... учёные мужи вновь усомнились в подлинности портрета, опять же «по мотивам иконографической недостоверности». Довод «убедительнейший»: глаза у малыша на портрете карие, а вовсе не голубые, как у Пушкина! (Позднее научно доказано: соединения свинца в составе красок привели к потемнению красок, и цвет глаз малыша изменился.) Да и рыжеватого цвета волосы у ребёнка вызвали сомнения... К тому же, на беду, чья-то озорная детская рука нацарапала на обороте миниатюры имя «Лиза». Получалось, что изображена на портрете некая девочка по имени Лиза!

И тогда, шёл 1950-й, Елена Чижова, восхищённая артистизмом Всеволода Якута, сыгравшего Пушкина (московский театр имени Марии Ермоловой гастролировал в северной столице с пьесой Глобы «Пушкин»), подарила ему младенческий портрет поэта. Сделала то почти незаметно, в антракте, протянув артисту маленький сверточек со словами: «Очень прошу Вас, Всеволод Семёнович, это семейная реликвия, примите... Там всё объяснено». Она уже устала что-либо доказывать чиновникам от культуры...

*Наталья Владимировна Баранская,
фотография кон. 1970-х гг.*

Как вспоминал Якут, когда чуть позже, отойдя от театральной суматохи, он развернул обернутый в тряпицу портрет, – и ахнул! С миниатюры взирал на него будущий поэт! С дарительницей – она ему запомнилась статной и красивой женщиной – артист подружился, много раз бывал в её ленинградской квартире, а однажды, не застав Елену Александровну, стал разыскивать и услышал, что она ушла... в монастырь. А ему нужно было срочно увидеться с ней, дабы испросить разрешения передать миниатюру в музей. «Не мог, не имел я права держать дома такую ценность, такую святыню. Чувствовал – грех, – рассказывал Всеволод Якут. – Убедил. Расспрашивать, почему она ушла от мира, не стал. Но она бросила такую фразу, что, дескать, была очень одинока и, может быть, сделала бы это раньше, но что-то её удерживало. Вот отдала мне портрет и почувствовала себя совсем свободной. Ничто её не держит».

Маленький Пушкин стал её последней связью с земным миром. И пока не пристроила Его в добрые руки, не было покоя исстрадавшейся душе...

Замечательный артист преподнёс миниатюру в дар московскому пушкинскому музею, что в 1961-м распахнул свои двери в особняке на Пречистенке. Елена Александровна новость узнала и со свойственной ей скромностью откликнулась: «...Я была очень рада, – а потом, когда многажды упоминали меня в разных случаях – я очень переживала».

Её разыскала в маленьком городке Печоры Наталья Владимировна Баранская, на ту пору заместитель директора пушкинского музея в Москве. Она и записала рассказ бывлой хранительницы миниатюры, помнившей ещё прабабушку Софью Великопольскую.

– Портрет маленького Пушкина я знала всегда, – поведала ей Елена Александровна. – Раньше у бабушки в имении, где мы проводили летние месяцы, а после ее смерти у мамы. Прабабка и бабка жили в деревянном флигеле. У Надежды Ивановны комната была разделена портьерой... В передней части комнаты висели портреты – несколько миниатюр в разных рамочках, среди них и миниатюра Пушкина.

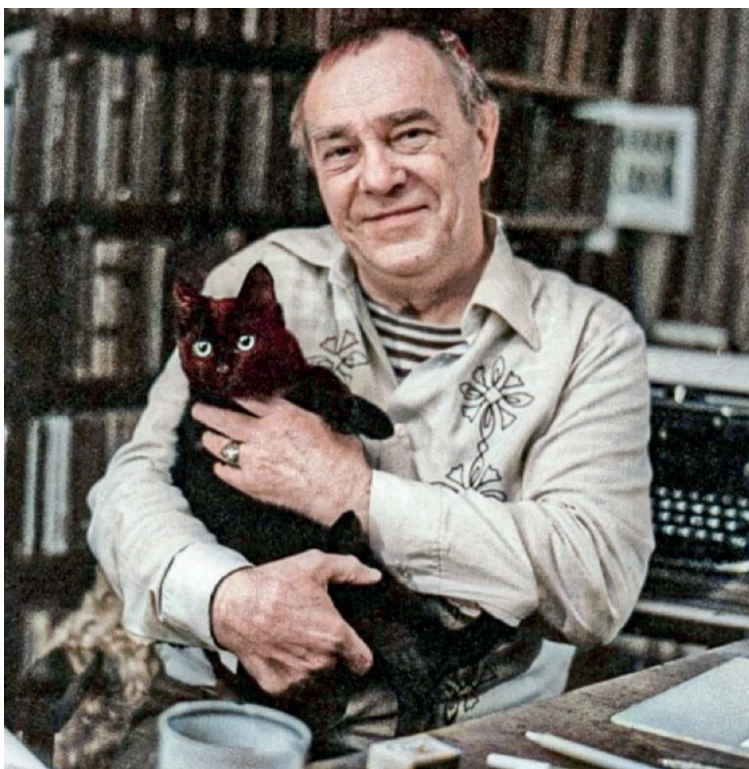
Родившаяся в Российской империи в царствование Александра III, выпускница Смольного института и лейтенант Советской армии, кавалер трёх боевых наград и монахиня, Елена Александровна Чижова тихо почилла в октябре 1973 года в Печорах, под Псковом.

Валентина Пикуля занимала судьба этой необыкновенной женщины, ставшей сестрой милосердия ещё в Первую мировую, и виделась она ему как «добрая русская женщина, шагающая в солдатской шинели». Они были знакомы, переписывались; Валентин Саввич посылал ей свои книги с дарственными надписями.

Он восхищался Еленой Александровной: «Одинокая и доброжелательная ко всему живому, она подбирала на улицах бездомных щенков и кошек, лечила их, кормила, ухаживала».

Как же походила она на далёкого своего прапрадедушку славного доктора Мудрова! Сильны гены.

Писатель Валентин Саввич Пикуль

Валентин Саввич в исторической миниатюре, посвящённой судьбе моряка Николая фон Дрейера, родного брата Елены Александровны, писал, что получил от своей корреспондентки фотографию: «Старушка, каких немало на Руси, сидит в кресле, поглощённая чтением, а на столе подле неё – портрет сына Ярослава Игоревича, для неё, для матери, вечно молодого...»

Возможно, то единственная ныне фотография Елены Александровны, к сожалению, не опубликованная и, верно, затерявшаяся в обширном архиве писателя. О других её изображениях ничего не известно.

Сам же Валентин Пикуль, не имея доводов для спора с

маститыми пушкинистами, вынужден был признать, что обрётённый чудесным образом младенческий портрет Пушкине не более, чем семейная легенда...

О случившемся вскоре грустном событии именитому писателю сообщил племянник Елены Александровны: «Похоронили мы тётю на печорском кладбище при большом стечении народа, после соблюдения всех православных обрядов. А впереди гроба несли её боевые ордена и медали, что вызвало немалое удивление всех печорских жителей».

Жила она близ Псково-Печорской Лавры, в пещерах коей, именуемых «Богом зданными», нашли свой последний предел и предки Александра Пушкина. Жила «монахиней в миру»: постриглась в инокини с именем Исидора. В жизнеописании одного из старцев древней обители повествуется о монахине, доставлявшей в лагерь, где томились политзаключённые, святые дары для совершения тайных богослужений. Имя подвижницы: Елена Александровна Чижова.

Правнучке заядлого картёжника Великопольского, отмолившей его былые грехи, выпала судьба стать последней владелицей миниатюры – той, что сберегла младенческий облик поэта. Столь причудливым образом соединились, уже в веке двадцатом, имена бывших соперников по штосу: Пушкина и Великопольского.

Ну, а подлинность портрета Пушкина-ребёнка ныне подтверждена самыми авторитетными искусствоведами, криминалистами и антропологами. С одним из них – профессором, доктором юридических наук, светилом в области портретной экспертизы – Александром Михайловичем Зининым, сказавшем «да», мне посчастливилось быть хорошо знакомой.

Веское слово профессора Зинина стало последним в жарких дебатах о подлинности портрета Пушкина-ребёнка из собрания московского музея.

И вновь слово Всеволоду Якуту – его письмо к Елене Александровне Чижовой. Он успел сказать ей самые важные, самые нужные слова: «Дорогая моя, милая и дорогая! Вы не можете даже предугадать всю мою нежность, благодарность к Вам! Никогда в жизни не будет более дорогого человека, чем Вы. Нет меры благодарности за вашу добрую, просвещённую душу... Пушкин наше счастье, наша уверенность в разум и гений человечества. Вы, дорогая моя, причастны к тому, что образ его навсегда будет, пусть в пятилетнем возрасте, жить среди людей».

* * *